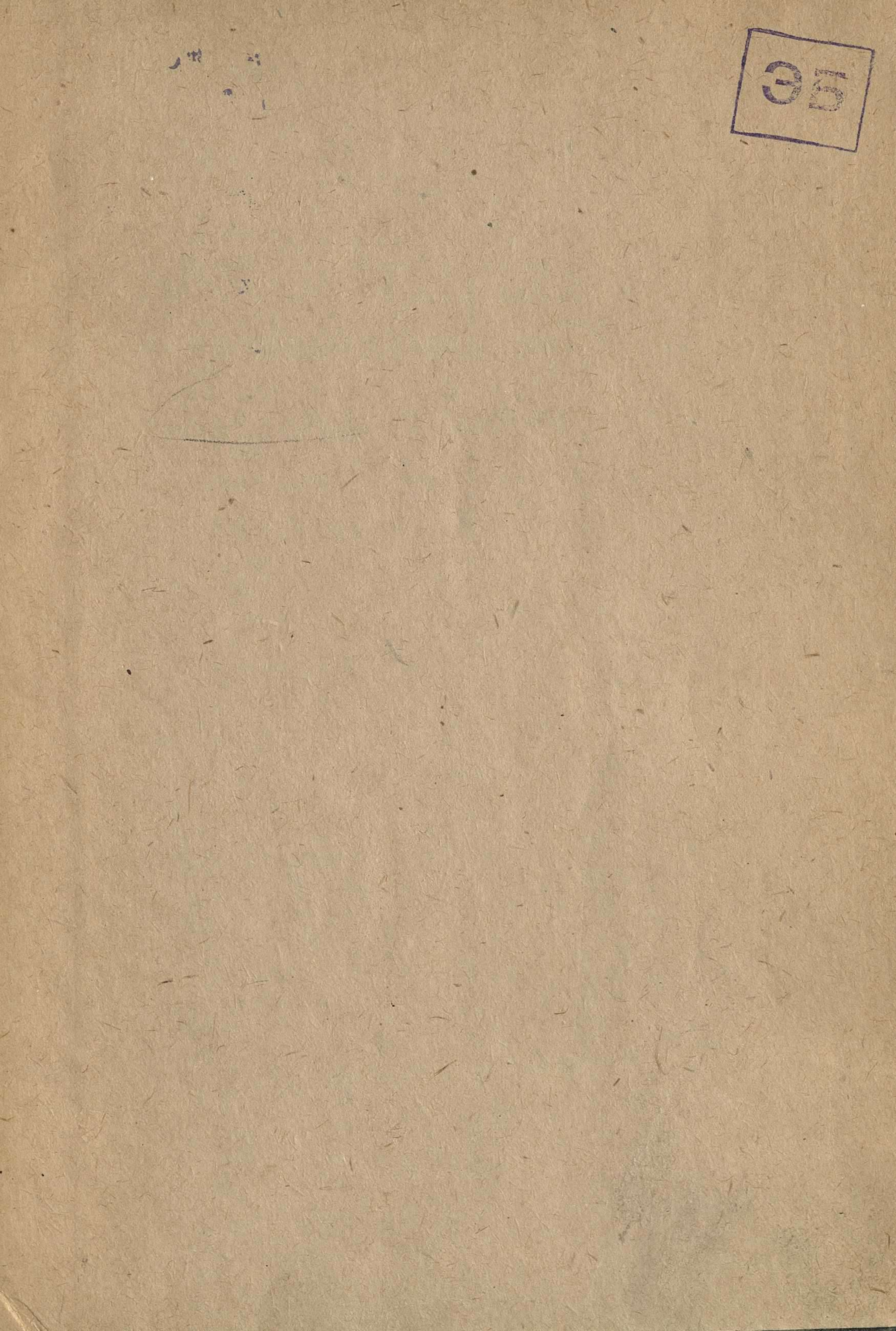
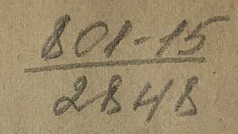
Эварницкий
Переправа
через
Днепровские
пороги

М 85
1108

ЭБ

2014142994

801-15
2846

3972
М 85/1108
1

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
ф. 5586-31

ПЕРЕПРАВА

ЧРЕЗЪ ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ.

(Изъ «Поѣздки по запорожскимъ урочищамъ»).

Уже літъ більшъ десять якъ козакъ Нетяга
По—надъ Дніпромъ ходе, викликае долю:
«Гей, ти, доле! вийди изъ води!
Визволь мене, серьденко, зъ тяжкоі біди.

... Днѣпровскіе пороги я переплывалъ три раза и все разными способами: на простой лодкѣ, на такъ называемомъ дубу и на плотахъ. Послѣдній способъ переправы самый опасный, такъ какъ при большой водѣ плоты всегда идутъ черезъ камни пороговъ, а не по каналамъ.

— А скажи, добродію, обратился я къ лоцману, чі страшно переправлятись черезъ пороги?

— Чомъ страшно? Ажъ ничогісенько, я чотирі рази поринавъ на дно порогівъ, та все жъ таки живый. Двічі мене бивъ Кодацький порігъ, двічі Дідъ (Ненасытецъ), а то якось разъ водивъ я старцівъ и по Вовнізі (по Волниговскомъ порогу). Такъ бачіте, міні недуже страшно, переправлятись черезъ ті пороги. Та ви отъ шо, паничу, возьмітъ собі на памьять?

— А шо?

— Якъ розібье нашъ плітъ, такъ перше всего держитця такъ, щобъ плисты вамъ не за водою, а противъ води.

— А чомъ такъ?

— А тому такъ, шо якъ підите вы за водою, то наскоче на васъ деревья за видъ разбитаго плита, зачепе, гляди, по голові, то ви одъ разу и підите на дно. А якъ же плістимите проті воды, то вже ви будете бачіти, чі йде противъ васъ деревьяка, чі ні. Я все отакъ и спасався. А то ще пробувавъ и отъ якъ: кинусь у воду, та заразъ и поринаю на дно Дніпра, тай сидю тамъ, ажъ поки пропливе разбитий плітъ, тоді вже й вылазю.

И такъ, мы сѣли на плотъ и пустились внизъ. Но еще не доходя до порога, лоцманъ и его семнадцать по-

мощниковъ начали брать разныя мѣры предосторожтости на случай несчастья. Всѣ посбрасывали съ себя лишнее платье, поскидали сапоги, начали прощаться другъ съ другомъ, мысленно со своими родными, оставшимися вдали на родинѣ, громко произносить молитвы и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Волновались всѣ; всѣ были блѣдны; одинъ лоцманъ оставался спокоенъ. Сбросивъ съ себя сапоги, онъ остался босымъ въ шароварахъ синяго цвѣта, въ красномъ поясѣ, вышитой мережками сорочкой и съ открытой головой, безъ шапки. Онъ стоялъ посреди всѣхъ и молча, движеніемъ правой руки, показывалъ ходъ. Страшная минута наступила собственно тогда, когда плотъ приблизился къ самому порогу. Тогда роль лоцмана велика: всѣ ожидаютъ отъ него или жизни или смерти. А онъ спокойно стоитъ впереди и спокойно помахиваетъ сжатымъ кулакомъ своимъ то въ одну, то въ другую сторону. Небольшой низовой вѣтерокъ широко раздуваетъ и безъ того широкія шаровары его, да шевелитъ концами краснаго пояса. Шумъ такой, что невозможно на самомъ близкомъ разстояніи услышать слова. Но вотъ мы въ порогѣ. Раздался страшный трескъ, и нашъ плотъ началъ погружаться въ воду. Вода все выше и выше; вода уже по косточки; наконецъ, по колѣна. Мы идемъ ко дну! Господи, прости мою казацкую душу.... Но вотъ плотъ началъ подниматься вверхъ;—все выше и выше... Наконецъ, онъ принялъ свое обыкновенное положеніе, и скоро мы очутились далеко, далеко за порогомъ. Слышенъ только страшный шумъ отъ него, да вдали бьются пѣнистые пузырьки отъ взволнованной воды:

«Ахъ, ты рѣчушка быстрая, слава
твоя дорогая!».

Грянули хоромъ бойкіе пловцы, за минуту предъ этимъ прощавшіеся и со своею жизнью и со всѣмъ свѣтомъ. И пѣніе ихъ широко лилось вдоль по шумному Днѣпру, давая тѣмъ знать, что русскому человѣку все ни почемъ, жизнь не стоитъ копѣйки....

Но что эти пороги: Старо-Кайдацкій, Сурской, Лаханскій и Звонецкій?! Вотъ порогъ: Дідъ, Ненаситецъ! Онъ тянется на протяженіи около двухъ верстъ, а плотъ пробѣгаетъ черезъ него въ одну минуту. Вотъ порогъ!

— Чого вінъ звéтця Ненаситецъ?

— Того, шо ни якъ ненасити́тця: усé ість, усé ість, усé лопа, та й лóпа, а не якъ не наістця, и не налопаитця. Якось шла берлина исъ скломъ (со стекломъ), везла великій звінъ у Харсонъ (въ Херсонъ), та якъ наскочила на Чекуху, камінь у Ненаситиці, то такъ усе й загуло на дно. Заразъ же й піскомъ покрылось; ні звона, ні берлины не найшли.

— А людей богацько-ги́не?

— Хі! Ще й якъ! Онъ дивитця, скілько ихъ плавае.

Я оборотился и точно увидѣлъ нѣсколько труповъ.

Вотъ одинъ зацѣпился за скалу ногами и болтается въ водѣ; онъ одѣтъ въ старую свиту, подпоясанъ краснымъ поясомъ, обутъ въ большіе сапоги, голова его разбита, ротъ открытъ, губы страшно распухли и между зубъ выросла какая-то зелень. Должно быть,

еще зимой утонулъ... Вотъ другой трупъ; онъ попалъ въ заливъ, между берегомъ и мысомъ и вертится въ страшномъ водоворотѣ. Онъ плаваетъ вверхъ спиной, почернѣвшей отъ времени и покрытой червями; руки опущены внизъ и точно схватываютъ кого-то въ объятія... А вотъ плаваетъ женщина съ малюткой на груди, крѣпко прижавшимся къ ней... Мать съ своимъ ребенкомъ!... А вотъ два трупа вмѣстѣ, мужчина и возлѣ него женщина, схватившаяся за его шею. Должно быть, мужъ и жена!.. Но—довольно! Такихъ утопленниковъ много можно видѣть на Днѣпрѣ, ниже пороговъ, въ такъ называеммъо Великомъ Лугу, обширной плавнѣ, начинающейся тотъ же часъ за островомъ Хортицей, у лѣваго берега рѣки. Сюда сноситъ ихъ весеннее полноводіе. Мнѣ случалось видѣть здѣсь до 30 труповъ.

— А скажи добродію, чі можно Ненасытецъ переплісти у каюці?

— Можно, та осторожно: тутъ не давно якось хотівъ переплисти Ненасытецъ який-сь то панокъ, такъ чуть не затонувъ.

— Якъ такъ?

— Та отъ якъ. Було це у неділю, якъ заразъ помню, вийшовъ вінъ на берегъ, узявъ каючекъ, сівъ та й пліве, пліве тай у книжицю дивіця. Плівъ, плівъ, та й не взглядівъ якъ каюкъ очутівся на самій бистрі Дніпра. Вінъ тоді сюди-туді, нічего не зробе. Наскочівъ на камінь, чабулькъ! та въ воду!... Та добре, шо якъ разъ на ту годину рибалки порозставляли на камінняхъ свої сітки; то одинъ побачівъ, що сітку его почало підкидаті, тай давай тягти іі. Тягне тай дума: оце, мабуть, сомъ гулькъ! Коли ажъ тамъ місто сома та панъ... Давай его качати, давай качати тай відкочавъ...

«Такъ отъ якъ плісти черезъ Ненаситецъ у каюці!»

И такъ, мы у Ненасытеца. Отъ г. Екатериослава и до Неоасытецкаго порога мы миновали острова: Поповукосу, — Шевскій, Монастырскій (Потемкинъ, Прозоровскій, Бураковскій, у кн. Мыщецкаго Каменный,) Воронцовскій, Становой- между Екатеринославомъ и с. Лоцманской Каменкой; Самарскій, Московскій, Каменоватый, Кайдачекъ, Яцевъ, Большой Татарчукъ, Малый Татарчукъ, Носулинъ, Яцевъ, Домайскій (Демскій), Песковатый, Сурской, Муравный, Куликовъ, Лаханскій, Скалистый и Стрѣльчій — между с. Старыми-Кайдаками; съ правой стороны р. Днѣпра, и с. Звонецкимъ, съ той же стороны, ниже Звонецкаго порога; Шулаевъ, Песковатый, Козловъ, Ткачевъ, Дмитровъ, Солонецъ, (Библовъ?), Раковъ, Жидовскій, Монастырько, Майстровъ, Голодаевъ, Бѣляевъ и Песковатый (въ старину было два Песковатыхъ)—между селомъ Звонецкимъ, съ правой стороны, и д. Времьевской —съ лѣвой Днѣпра. На всемъ этомъ пространствѣ кромѣ пяти пороговъ: Старо Кайдацкаго, Сурскаго, Лаханскаго, Звонецкаго и Ненасытецкаго, мы миновали еще семь заборъ: Каменскую, ниже с. Лоцманской Каменки, Волошинову или Синельникову, противъ с. Любимовки, съ лѣвой стороны Днѣпра, Кривую, между оо. Куликовымъ и Лохансkимъ, Стрѣльчью, между двумя камнями Богатырями, за

лоханскимъ порогомъ, нѣсколько ниже с. Волошскаго, съ правой стороны, Тягинскую, въ пяти верстахъ ниже Звонецкаго порога, противъ о. Козлова и балки Тягинской, Бѣляеву, (на картѣ 1803 г. Кривая) ниже оо. Бѣляевыхъ, Воронову непосредственно за Ненасытецкимъ порогомъ, противъ д. Марьевки. Кромѣ того миновали два камня Богатыря. [1]).

— Відъ чого це отой острівокъ, шо лежить на правому березі Дніпра, противъ Ненасытеця, звеця Монастырько?

— Богъ его зна: ми й родились, а вінъ Монастырько, ми й повиростали, а вінъ Монастырько, ми й поплили по Дніпру, а вінъ усе Монастырько тай годі. Чули тілько, шо якось то на нему отдихала цариця Катерина, якъ іхала по Дніпру, тутъ вона и обідала и чай пила: такъ облюбила острівокъ той... Тутъ лоцмани зробили для неі и стілъ, и ослінъ, и тарилки; замістъ стола та осліна постановили по скели, а за містъ тарілокъ видовбали ямки... Вони й досі е... Намъ не такъ той Монастирько якъ *Пекло*, шо около него: то саме найстрашнійше місто у Дніпрі на порогахъ: туда якъ напре вода, то вже бережись, козаче, а то якъ разъ будешь на дні раківъ ловити. Не одинъ и изъ нашихъ братчіківъ, лоцманівъ, достававъ тутъ дна та куштувавъ жовтого піску. Якъ нагоне полоса (полоса вѣтра) плітъ на то Пекло, то вже ему не медъ, тамъ буде ему й гакъ...

Колись шовъ съ плітомъ черезъ Ненасытець нашъ лоцманъ, изъ Камьянки. Тихо було, зовсімъ тихо; коли ось де не взялась полоса вітра; якъ загуло, якъ зашуміло, якъ понесло той несчастній плітъ та прямо въ Пекло... Такъ одъ разу на мілкі тріскі и пошматувало; люди не вспіли и оглядітись, якъ уже поринули на дно. Одинъ лоцманъ довго боровся съ хвилею: ухопивсь за деревьянку, та й пливе; коли ось вода жене на него страшенну колоду відъ розбитого пліта, нагнала та якъ ударе его вподовжь спини, такъ такъ и разбила пополамъ... Пішовъ на дно!... А литвинівъ лущіть якъ мухъ. Скілько іхъ нещаснихъ поховано по балкахъ та поміжъ скелями! Та инчімъ бідолахамъ и въ землі не легко лежати, за собаками!... Оце поховають якого литвинка, а кляті собаки нанюхають тай давай ёго бандурити. Такъ и ухекають, одинъ кожухъ зостанетця та голова. Качаетця по балсці!... Отаке—то це Пекло! Багато воно и людей пожерло, богато и іхъ добра захопило. Зате богато воно людямъ и дае чого: тутъ ловлють саме велику рибу, звідціля достають и чі мало янтарю, особливо після половоді; велики куски виносе: сказать вамъ, инчій буде четвертіи три, або й більшъ. Такъ отъ яке це Пекло.

Сообщеніе лоцмана интересно какъ вообще, такъ и въ частности тѣмъ, что указываетъ на присутствіе янтаря въ нашемъ Днѣпрѣ, по крайней мѣрѣ, въ его порожистой части. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось слышать о томъ, что крестьяне находятъ на берегахъ Днѣпра большіе куски янтаря. Мнѣ самому удалось найти ниже

[1]) Камней, съ названіемъ «Богатырь», здѣсь два: одинъ на правомъ берегу Днѣпра, другой—на лѣвомъ, въ лугу землевладѣльца А. М. Миклашевскаго.

Ненаситецкаго порога три куска янтаря каждый съ особымъ оттѣнкомъ жолтаго цвѣта; самый большій изъ нихъ, по величинѣ, равняется чайному блюдечку. Любопытно было бы узнать, въ какомъ количествѣ находится янтарь въ Днѣпрѣ, съ какого мѣста обнаруживается его присутствіе и гдѣ теряется. Тогда, быть можетъ, мы могли бы сказать, доходили ли древніе Финикіяне, торговавшіе янтаремъ, до предѣловъ только Пруссіи, или же они посѣщали и нашъ Днѣпръ.

— Скажи міні, добродію, обратился я къ лоцману, проплывъ Ненаситецкій порогъ: відъ чого оті два каміня, шо повисче Звонецкаго порога, а понизче Стрільчій забори, звутця Богатыри?

— Відъ чого звутця Богатірі? Старі люди росказують, шо колись, дуже въ давню старину, зійшлись два богатирі: одинъ ставъ по той (лѣвый) бікъ Дніпра, а другой по цей (правый), зійшлись та й кричать одинъ другому черезъ Дніпро; цей каже: «уступи міні місто, я посилюсь съ своимъ народомъ», а той каже: «ні, я заселю цей край; геть ти відціля! «Тоді богатырь изъ правого берега й каже: «коли такъ, то давай лучче поміряімся силами; хто кого пересиле, того й земля буде». — «Давай», каже богатирь зъ лівои сторони. Взяли вони поотколуповали зъ скель каміння одинаковоі ваги, поставали на горі, по—надъ Дніпромъ, той изъ того боку, а цей изъ цего, и давай шпурлять. Зъ лівого боку якъ кинувъ богатырь камінь, вінъ и впавъ біля цего берега, въ воді, недалеко відъ Срільчоі скелі; тоді зъ правого боку богатирь якъ шпурнувъ свій камінь, вінъ такъ и опинився на цімъ боці, на сухому березі. Тоді богатирь зъ ливого боку й гука «ну, коли такъ, такъ я піду дальше, а ти заселяй землю? И пішовъ богатирь дальше, а цей поселивъ народъ свій и по цімъ и по тімъ боці. На тімъ каміні, шо зъ лівого боку, и досі зоставсѧ слідъ якъ разъ въ тімъ місці, де богатырь брався руками: такъ руки и знать, и пальці и долоні [2]).

Мы спустились ниже и увидѣли островъ Дубовый, расположенный у с. Петровскаго (Свистунова), съ лѣвой стороны. Весь островъ покрытъ густымъ дубовымъ лѣсомъ и имѣетъ 120 десятинъ земли, протянувшись въ длину на четыре версты при одной верстѣ ширины. Онъ принадлежитъ двумъ владѣльцамъ: Синельниковой и Милорадовичу.

Миновавъ еще острова: Монастырько (Второй), Данилей, ниже Холявиной заборы на 300 саж.; Забачъ, Киселевы (два), ниже камня Переймы на 300 саж.; Диденковъ на 60 с., ниже заборы Кривой; Росчистку, у устья канала Волниговскаго порога; Полтавку, ниже (вправо) Росчистки на 25 с.; Песковатый, на 40 с. ниже камня Лошаты, вправо; Склубъ или иначе Стрѣлицу (въ старину Рыбачій): Орловъ и Таволжанскій острова, мы съ тѣмъ вмѣстѣ миновали и два порога, Волниговскій и Будиловскій и кромѣ того двадцать заборъ и пятнадцать камней: Кривую забору, Подовжню, на 8 верстъ ниже Ненаситецкаго порога, противъ д. Времьевки, меж-

[2]) Я. П. Новицкій Малор. предан. Драгоманова, Кіевъ, 1876, 230.

ду островомъ Песковатымъ и правымъ берегомъ р. Днѣпра: Какайскую, противъ с. Петровскаго (Свистунова), между Дубовымъ островомъ и правымъ бер. Днѣпра; камень Плоскій («самий бідовий, Ходовый, часто лове), противъ д. Времьевки; забору Холявину, на 300 с. ниже камня Плоскаго; Дядькову, на 300 с. ниже о. Данилея; Червону, на полторы версты ниже Дядьковой; Крячину, на 200 с. ниже Червоной, противъ «Прихвиста Дубоваго острова»; Рядовеньку, на 200 с. ниже о. Дубоваго; камень Щербину («здоровий камень») на 200 с. ниже з. Рядовенькой; камень Коростій, на 200 с. ниже Щербины; камень Плосскій на 125 с. ниже камня Коростія, противъ Волниговскихъ (села Волнигъ) мельницъ, къ правому берегу; камни Близнючки, на 30 с. выше к. Плоскаго (вправо); камни Рваны, на 30 с. ниже Близнючковъ, «по одній строи съ Плоскимъ»; камень Перейму на 30 с. ниже Близнючкова; камень Грозу, на Волниговскомъ порогѣ; камень Польскій, у самаго Будиловскаго порога—все это по правому берегу р. Днѣпра; забору Галузину—между сѣвернымъ концомъ Дубоваго острова и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, противъ с. Петровскаго (Свистунова); забору Петренкову, расположенную противъ двора кр. Нечипора Кайстра; забору Кляпину, противъ двора кр. Антона Чуприны; Млинову, противъ конца с. Петровскаго (Свистунова); Россохвату на 100 саж. выше балки Россоховатой; Коростеву, на 400 с. ниже Россоховатой; камень Перейму, на 80 с. ниже з. Коростевой; забору Криву, на 60 с. ниже Киселевыхъ островъ; камень Зарогъ, на 120 с. ниже о. Диденкова; камень Кобылу, на 150 с. ниже рыбальни Петровской экономіи; камень Лоша, на 150 с. ниже Кобылы; забору Курчину; камень Совранъ, на Курчиной заборѣ; камень Цапрыгу, на 60 с. ниже о. Песковатаго (правѣе), противъ камня Разбойника (на берегу Днѣпра); камень Крутько, на 60 с. ниже Цапрыги, среди Днѣпра; з. Дегтярову, на 60 с. ниже Крутька; з. Гаджолину на 300 с. ниже Крутька, (забору составляютъ собственно два камня, на разстояніи 60 с. одинъ отъ другаго) и наконецъ забору Таволжанскую, между сѣвернымъ концомъ о. Таволжанскаго и д. Смольщей, что съ правой стороны Днѣпра. Все это съ лѣвой стороны Днѣпра.

— А відъ чого ця забора, шо противъ Дубоваго острова зветця Дядькомъ?—Та відъ чого? Шли племінникъ съ дядькомъ на плотахъ та племінникъ же пройшовъ, а Дядько зачепився: отъ вона (скеля) и Дядькова.

Кромѣ того съ правой стороны Днѣпра, противъ о. Дубоваго, въ откосѣ берега, мы оставили четыре естественныхъ пещеры: три съ названіемъ Голубиныхъ и одну съ названіемъ Пугачевой. Въ балкѣ же Россошкахъ, ниже с. Петровскаго, отъ лѣваго берега Днѣпра, искусственную пещеру, имѣющую до шести сажень длины со входомъ съ западной стороны. Противъ о. Таволжанскаго мы увидѣли небольшой, но во многихъ отношеніяхъ замѣчательный о. Перунъ. Онъ расположенъ параллельно, о. Таволжанскому, съ лѣвой стороны, противъ балки Таволжанки, раздѣляющей ос-

тровъ на двѣ части и впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Длина острова—150 с., ширина въ сѣверной части—75 с., въ южной—30 с.; высота, при среднемъ уровнѣ воды 50 футовъ, чего на протяженіи всего Днѣпра нельзя встрѣтить. Въ откосѣ западнаго берега Перуна есть пещера, носящая названіе Зміевой, имѣющая длины одну сажень, ширины полтора аршина при высотѣ до двухъ аршинъ. На самомъ островѣ, въ лощинѣ, раздѣляющей островъ на двѣ половины, есть погребъ, стѣны котораго выложены гранитнымъ камнемъ; длина погреба—5 саженъ, ширина—3 саж. Островъ принадлежитъ двумъ владѣльцамъ: Н. П. Петренку, владѣльцу сел. Петровскаго (Свистунова) и С. П. Иваненковой, владѣлицѣ села Андреевки (Иваненкова). На мой вопросъ, отчего островъ Перунъ получилъ свое названіе, мнѣ отвѣтили преданіемъ, до буквальности сходнымъ съ тѣмъ, которое занесено на страницы русской лѣтописи о низверженіи св. Владиміромъ идола бога Перуна, брошеннаго въ Днѣпръ. «Якъ поплівъ той Перунъ по Дніпрі, та достягъ ажъ до Тівілжана (о. Таволжана); тутъ уже и перекинувся у острівъ Такъ ото де теперь найбільша вишина на острові (съ сѣвера), тамъ вінъ лігъ головою, де найменьша (на югѣ) тамъ ногами».

— А відъ чого печеря у Перуні звется Змііна?

— Відъ того, шо въ неі змій живъ, страшенний змій, такий, шо пожиравъ людей. Оце ухопе яку людину, та въ печерю, тамъ и їстъ. Отъ того змія и печеря прозвалась Змііною. Та це давно, дуже давно, кажуть, було, не за нашоі памьяти.

Подвигаясь, ниже, мы постепенно оставляли за собою острова: Орловъ (Бѣлый?), Аврамовъ, Сторожовъ, Бобровъ, Клобуковскій (Спорный), Лозоватый, Лишній, Кухаревъ, Гавинъ, Смирный, Лантуховскій, Селевень, Стрѣлецъ, Похилый, Крячиновъ и Скворцовъ на пространствѣ отъ сел. Андреевки и до хутора Тарана; здѣсь же мы прошли одинъ порогъ, Лишній, двѣ заборы, Крячины, расположенныя—одна противъ о. Перуна, отъ лѣваго берега Днѣпра, другая—противъ Вильнаго порога, отъ праваго берега, и одну пещеру Чортову хату, находящуюся въ лѣвомъ берегу Вильной балки и имѣющую до двухъ съ половиной аршинъ высоты и до шести длины.

Теперь я распрощался съ плотовщиками и передалъ себя вольнымъ лодочникамъ, которыхъ обязательно предложилъ мнѣ управляющій с. Петровскаго (Свистунова), Василій Алесандровичъ Сипягинъ и которые уже давно сдѣдовали за мной.

— А шо, хлопці, бували на Вільнімъ порозі?

— Овва! Ще бъ таки! Бували й на Вільнімъ, бували й на Гадючімъ [3]), отвѣчалъ мнѣ старшій изъ лодочниковъ Иванъ Чавуненко. И нельзя было не вѣрить ему: по всему видно, что это человѣкъ отваги. Высокаго роста, стройный, съ тонкими чертами лица, но длинными рыжеватыми усами, съ маленькими, но смѣлыми и вырази-

[3]) Нѣкотораго рода острота: Вильный порогъ, послѣдній по счету, по мѣстному называется еще Гадючьимъ.

тельными глазами, этотъ человѣкъ казался воплощенной энергіей и мужествомъ. Любо было посмотрѣть на него, когда онъ своею мускулистою, хотя и небольшою рукою, взялся за длинное весло, выставилъ впередъ свою высокую, полураскрытую грудь и началъ повѣствовать мнѣ о своихъ приключеніяхъ во время частыхъ плаваній по Днѣпру.

— Такъ бувавъ ти и на Вільнімъ и на Гадючімъ?

— Бувавъ, та й не разъ! Та шо міні Вільний! Я й Діда (Ненасытецъ) знаю. Разъ яко-сь нічью плівъ я черезъ него, а нічъ була темна та холодна. Розігнавъ я свій каюкъ, перехрестивсь та й пустивъ на волю Божу черезъ порігъ. Такъ винъ якъ стріла!... Тилько шо вискочивъ я до Чекухи (камень), якъ торохнетця мій каюкъ объ ту Чекуху рулемъ, такъ я, мабуть, аршина на два такъ и підскочівъ у гору, та вньять таки попавъ у каюкъ тай виплівъ... А то якось шовъ я на плоту, черезъ Вовнігу. Уже минули мы Діда, ось стали наближатись и до Внука (Волниговскаго порога). Коли це якъ потягло насъ та прямо на Грозу (скала) тай давай тіпать.. Ось уже одинъ литвинόкъ шелéснувъ у Дніпро, ажъ вода зачервоніла.... Такъ я не счувсь, якъ у сорочці и пительки порвавъ... Таке-то бувало зо мною.

Скоро мы снарядили свою лодку, уложили въ нее свою движимость, сѣли и направились прямо къ Вильному порогу. Было около полудня; въ воздухѣ совсѣмъ похолодѣло; подулъ сильный вѣтеръ и весь Днѣпръ страшно заколыхался. Въ такую погоду чрезъ порогъ плыть было совсѣмъ опасно.

— Паничу!

— А шо, Иване?

— Знаете, шо я вамъ скажу?

— А шо?

— Може вамъ страшно въ таку годину плисти черезъ порігъ, то ви лучче ляжте у каюкъ, а ми васъ такъ и переправимъ.

— Ні, цего не можно; я ще вийму съ кармана часи та буду дивитись, чі скоро ми перебіжимъ порігъ.

— Глядітъ! А все жъ таки ви отъ шо зробітъ: сядьте такъ, шобъ вамъ хвиля (волна) була въ спину; тоді нехай хочь черезъ голову плескаетця вода, а ви сидітъ собі, ми вже васъ винесемъ. Бережитця тілько, шобъ хвиля не завдала васъ у лице,—тоді вже плохо буде.

— Добре! Сяду такъ, якъ кажешь.

Я усѣлся. Лѣвой рукой взялся за бортъ лодки, а въ правую взялъ часы, чтобы видѣть, сколько минутъ мы будемъ бѣжать черезъ порогъ. Моментально, въ одно мгновеніе ока, мы очутилась въ устьѣ канала.

— Хлопці! глядитъ же у мене лучче!.. Крикнулъ Иванъ.

— Бачімъ добре! отвѣтили хлопцы.

«Господи благослови»! Всѣ поснимали шапки, набожно перекрестились и ринулись въ каналъ. Наступилъ страшный моментъ. Лодку нашу, какъ какую-нибудь легкую перинку, начало подбрасывать то вверхъ, то внизъ; опускаясь то переднею, то заднею частію своею она едва-едва держалась на поверхности воды; а боковой вѣтеръ, высоко вздымавшій бѣлую рѣчную пѣну, нагонялъ огромные валы воды, которые, ударяясь о лѣвый бокъ нашей лодки, давали ей совсѣмъ кривое положеніе. Нужно было соблю-

дать строгое равновѣсіе, что бы не выскочить изъ лодки. Но прошло не болѣе, какъ полъ-минуты и мы уже далеко оставили за собой каналъ Вильнаго порога, протянувшійся на цѣлую треть версты, и страшное мѣсто, слѣдовавшее за нимъ, Волчье горло.

— Слава тебѣ, Господи! Проѣхали счастливо! Теперь, хлопцы, можно дать вамъ попробовать и оковитоі». [4]) Чтобы дать себѣ время отдохнуть и немного поразмять свои члены, мы рѣшили пристать къ лѣвому берегу Днѣпра, владѣнію помѣщика Левшина, противъ хаты лѣснаго сторожа, еврея Гершковича. Достаточно отдохнувъ здѣсь, я готовъ уже былъ отправляться къ рѣкѣ, какъ къ удивленію своему увидѣлъ небольшую чугунную плиту съ какою то надписью. Плита стояла у завалинки сторожки и была загажена птичьемъ пометомъ. Я велѣлъ очистить ее, послѣ чего прочелъ на ней слѣдующее: «Судообходные каналы въ днѣпровскихъ порогахъ сооружены по повелѣнію Государя Императора Николая I распоряженіемъ главнокомандующаго путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля. Работы начаты въ 1843 году, окончены въ 185...» (уголъ отбитъ). Гдѣ стоялъ этотъ памятникъ, почему онъ попалъ къ сторожкѣ еврея Гершковича,—мнѣ на это не дали отвѣта. Хорошо у насъ сохраняются историческіе памятники!

— Иване?

— А що, паничу?

— Ти коли-нибудь не находивъ чого у Днiпрі?

— Я не находивъ, а люде находилі. Отъ хоть би дідъ Демьянъ Муха У Вовнізскімъ порозі вінъ найшовъ якось дві пушки. Каже, шо це було за годъ до волі, у восени. Пійшовъ вінъ рибальчіти на порігъ, а тоді зробилось тепло и мілко,—відъ того, бачте, шо вісче Вороновой забори ставъ лідъ, а тутъ проломило. Такъ дідъ баче, ажъ на дні порога дві пушки. Давай тягти; вінъ та Михайло Вельскій, та це шість чоловікъ; вытягли, дивлятця, ажъ то пушки, одна тринадцять пудъ двадцять фунтівъ, а друга—дванадцять пудъ вісімнадцать фунтівъ, обидві по три аршини вдовшъ; діди признали, шо то бронзові, а другі доказували, шо то изъ польскаго золота, а жидъ признавъ, шо то пушки князя Святославськаго. Объ тихъ пушкахъ докладали и губернатору Сиверсу, такъ винъ якъ ухопивъ ихъ тай помчавъ кудись ажъ у Москву.

Отъ Вильнаго порога скоро добрались мы до д. Маркусовой (иначе Павло-Кичкасъ), находящейся съ праваго берега рѣки. На своемъ пути мы миновали забору Явленную и острова: Пруссовы (числомъ шесть; въ старину Малый и Большой Дубовые острова), Левшинъ (въ старину Вербовый), Голый, Разбойники (собственно камни), противъ балки Гайдамацкой или Кичкаски, ниже д. Маркусовой, добрались до балки Хмарной и наконецъ до пещеры Школы, находящейся въ лѣвомъ гранитномъ берегу Днѣпра, противъ камня, носящаго званіе «Дзвіници.» Здѣсь мы причалили. Я немедленно осмотрѣлъ пещеру. Пещера оказалась въ два поворота: одинъ съ сѣвера на югъ, параллельно Днѣпру, другой—съ востока

[4]) Оковата изъ латинскаго aqua-vita вода жизни, т. е. водка.

БИБЛІОТЕКА

на западъ, прямо встрѣчно Днѣпру. Входъ въ пещеру довольно затруднителенъ, такъ какъ надъ самымъ порогомъ ея виситъ огромнѣйшій камень, едва только на полъ аршина возвышающійся отъ земли. Онъ помѣченъ слѣдующими буквами, красной краски, Е. М. Е. Т. Н. М. В. Ю. Э. Г. 27/VI. 81. Согнувшись, что называется, въ три погибели, мы полѣзли въ отверстіе. Въ срединѣ пещера оказалась довольно просторною, имѣющею видъ узкаго, но высокаго, почти до двухъ саженъ корридора. На протяженіи до шести аршинъ она идетъ сперва съ сѣвера на югъ, потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ съ востока на западъ на протяженіи пяти аршинъ, оканчиваясь у самаго Днѣпра. Проходъ изъ перваго корридора во второй настолько узокъ, что надо было особеннымъ образомъ вытянуться, чтобы пролѣзть черезъ него; тѣмъ болѣе, что второй корридоръ не имѣетъ внизу пола, а представляетъ изъ себя зіяющую расщелину, оканчивающуюся далеко гдѣ-то въ материкѣ. Поэтому пройти эту пропасть можно было, хватаясь только руками за небольшой карнизъ потолка пещеры. Но мы, со свѣчей въ рукѣ осмотрѣли пещеру, не нашедъ въ ней ничего, кромѣ наноснаго песка да птичьихъ гнѣздъ. Оставивъ Школу, скелю «Кіньску, або Попову» съ лѣвой стороны, мы спустились ниже по Днѣпру. Здѣсь прежде всего меня поразила необыкновенная узкость Днѣпра; ширина Днѣпра въ этомъ мѣстѣ равняется едва 80 саженямъ. Неудивительно, поэтому, что здѣсь уже въ очень отдаленное время существовала черезъ Днѣпръ переправа, называвшаяся сперва Крарійскою, а потомъ Кичкасовскою: «Они (русскіе), говоритъ Константинъ Багрянородный (905—959), доходятъ до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся Херсониты изъ Руссіи и Печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ ширины съ гипподроміонъ (т. е 608 русскихъ футовъ, $1/3$ или $1/6$ версты), а высота берега усматриваемая снизу такова, что только доступна удару стрѣлы». [5]) Въ 1594 г. Крарійская переправа уже извѣстна подъ именемъ Кичкаса [6]), какъ и въ 1620 г. «Здѣсь (у Кичкаса), говоритъ Бопланъ, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ (около 80 саж.), берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ». [7]) «Въ ширинѣ 300 саж. отъ о. Вербоваго Днѣпръ течетъ полторы версты на юго-востокъ, а потомъ, стѣсняясь еще болѣе, поварачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ

[5]) De admin. imper. Константина Багрянороднаго, стр. 286.

[6]) Эр. Лассота. Пут. зап., Одесса, 1873 г., стр. 29—30.

[7]) Бопланъ. Описаніе Украины, СПБ., 1832 стр. 24.

(80 саж.), берега его не круты и земля открыта» [8]).

Древнее названіе переправы, Кичкасъ, дало названіе теперешней колоніи Кичкасъ, возникшей здѣсь нѣсколько позже 1775 г., паденія запорожской Сѣчи; по крайней мѣрѣ, русскій путешественникъ, Василій Зуевъ, бывшій здѣсь уже въ 1781 г., видѣлъ еще въ Кичкасѣ «избушку, въ коей живетъ запорожецъ». Въ настоящее время Кичкасъ одна изъ обширныхъ, многолюдныхъ и цвѣтущихъ нѣмецкихъ колоній. Къ превосходному мѣстоположенію колонисты приложили еще нѣмецкое стараніе и вышла во всѣхъ отношеніяхъ прелестная колонія. Она тянется въ одну линію, имѣя съ обѣихъ сторонъ широкой улицы чистенькіе, свѣтлые, высокіе домики и прекрасные зеленѣющіе сады. Всѣхъ хозяевъ въ ней, т. е. тѣхъ, которые, кромѣ домовъ, имѣютъ надѣлъ земли, тридцать шесть.

Противъ колоніи Кичкасъ, на Днѣпрѣ, ближе къ правому берегу, на пять шаговъ выше переправы, я миновалъ небольшой камень, выдающійся изъ подъ воды не болѣе, какъ на два аршина и носящій названіе «Кохaной скелі». Съ этимъ камнемъ лоцманы соединяютъ слѣдующее весьма интересное преданіе. Остановлюсь на немъ подробно. «Давно это было, очень давно, когда здѣсь (въ Кичкасѣ) и духу нѣмецкаго не было; немного дальше вверхъ по рѣкѣ, тамъ, гдѣ берега не такіе крутые, вода течетъ не такъ быстро и Днѣпръ гораздо шире, стояли козацкіе курени, въ одномъ изъ которыхъ жили два козака Михайло Коромысло и Петро Литовчукъ. Михайло Коромысло, козакъ пятидесяти лѣтъ, носилъ почетное званіе куреннаго атамана, которое онъ несомнѣнно заслужилъ, потому что собственными руками снялъ столько турецкихъ и польскихъ головъ, что ежели вы будете считать по пальцамъ, при чемъ снимите и сапоги, то и тогда пальцевъ не хватитъ. Петро Литовчукъ, совсѣмъ еще молодой парнюга; не убилъ еще ни одного врага, почему и былъ только простымъ козакомъ.

Михайло Коромысло имѣлъ длинные, настоящіе козацкіе, усы и такой оселедецъ, что если его раза три намотать на ухо, то и тогда еще добрый хвостъ останется; у Петра Литовчука чуть-чуть пробивались черные усики, а объ оселедцѣ ему и думать нечего было. За то Литовчукъ былъ высокаго роста, имѣлъ стройный станъ, широкіе плечи, большіе черные глаза, бѣлые, какъ жемчугъ, зубы, такъ что немудрено, если въ него влюбилась панночка.

Присутствіе между козаками панночки вещь не только диковинная, но и козацкому уставу противная, на этотъ разъ объясняется только тѣмъ, что куренной аттаманъ Коромысло самолично забралъ Ядвисю (такъ звали панночку) въ плѣнъ и воображалъ почему то получить за нее добрый выкупъ. Собственно въ данномъ случаѣ нельзя сказать совершенно опредѣленно: держалъ ли Михайло у себя Ядвисю въ ожиданіи выкупа или почему либо иному...

За то совершенно опредѣленно можно сказать, что Ядвися была замѣчательная красавица. Петро Литовчукъ,

[8]) Лербергъ. Изслѣдов. къ объясн. древ. ос. истор. СПБ., 1814, стр. 277—278.

когда она въ первые показалась ему на глаза, разинулъ ротъ и не могъ отвести отъ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока не привелъ его въ сознаніе старый козакъ Охрімъ. Прошло еще нѣсколько дней и Петру опять случилось встрѣтиться съ Ядвисей и въ этотъ разъ онъ могъ сказать ей нѣсколько словъ по польски. Въ слѣдующую затѣмъ встрѣчу Петро удержалъ ее за руку. Она хотѣла уйти, но онъ сказалъ ей мягкимъ, ласковымъ голосомъ.

— Пусть панна не боится меня. Я хоть козакъ, но не сдѣлаю ей ничего дурнаго.

И она осталась. Такъ произошло ихъ первое знакомство. Они сказали другъ другъ свои имена. При прощаньи Ядвися сказала.

— Я не боюсь пана Петра; я боюсь нашего атамана, который сказалъ, что убьетъ меня, если я его не буду слушать. Она заплакала и закрыла лицо руками. Петро понялъ значеніе сказанныхъ Ядвисей словъ и тяжело стало у него на душѣ... Теперь онъ вдругъ, совершенно неожиданно пересталъ завидовать козацкому молодечеству. Еще такъ недавно молодой козакъ только и мечталъ о томъ, какъ бы нарубить побольше вражьихъ головъ и пріобрѣсти такимъ образомъ козацкую славу, а теперь иныя думы забрались въ голову. Петро сталъ уходить на Днѣпръ и тамъ, скрываясь въ густыхъ камышахъ, подолгу оставался на единѣ съ своими думами. Скоро, однако, въ думахъ не было уже большой необходимости, потому что самый предметъ думъ находился здѣсь же, въ укромномъ уголкѣ, сокрытомъ отъ всѣхъ постороннихъ глазъ, потому что этотъ предметъ стоялъ такъ близко, близко возлѣ Петра, обвивъ своими бѣлыми руками его шею и прильнувъ къ его груди, что странно было бы въ это время возиться съ думами, вмѣсто того, чтобы, обнявъ гибкую, стройную талію Ядвиси, гладить ея чудную косу, смотрѣть въ ея большіе черные глаза, цѣловать горячія, дрожащія губы...

А кругомъ такъ тихо, тихо, только волны съ мягкимъ плескомъ бѣгутъ по Днѣпру, да камыши шелестятъ своими длинными, узкими листьями.

Нѣтъ, тутъ не было мѣста для думъ!

И Петро не думалъ. А время шло, шло быстро, незамѣтно и нѣтъ ничего гнуснѣе этого хода времени. Оно ничего не предупреждаетъ, ничего не измѣняетъ; оно какъ бы не существуетъ въ теченіе извѣстнаго періода, но потомъ, вдругъ, внезапно такъ напомнитъ о себѣ, что приведетъ въ ужасъ того, кто забылъ о немъ.

Никто не могъ видѣть Петра и Ядвиси, когда они, скрытые камышами, шептали другъ другу свои тихія, любовныя рѣчи. Никто, потому что мѣсто, въ которомъ они сходились, казалось самимъ Богомъ создано для нихъ. «Заулокъ», какъ называлъ Петро мѣсто свиданій съ Ядвисей, вполнѣ удовлетворялъ своему назначенію. Берегъ Днѣпра тамъ высокій, но не обрывистый и крутой, а отлогій, заросшій внизу камышами, а сверху густымъ кустарникомъ. Отъ самаго края воды, образующей въ Заулкѣ маленькую бухту, идетъ между камышами узкій просвѣтъ, какіе во многихъ мѣ-

стахъ размываются сбѣгающими съ высокаго берега весенними потоками. Снаружи онъ почти совсѣмъ не замѣтенъ и скрывается сплошной стѣной камыша, но стоитъ только раздвинуть камышъ, чтобы увидѣть узкій проходъ, который, спускаясь къ водѣ, становится шире и оканчивается песчаной площадкой, поднимающейся надъ поверхностью воды. На этой площадкѣ лежала опрокинутая вверхъ дномъ разбитая душегубка, Богъ вѣсть когда занесенная сюда волнами.

Не одну ночь провели тамъ, сидя на душегубкѣ, Петро и Ядвися. Крѣпко спалъ старый атаманъ и не слышалъ, какъ выкрадывалась изъ своей каморки, пристроенной къ землянкѣ Михайла, панночка; не видѣлъ и не слышалъ онъ, какъ пробиралась Ядвися легкими шагами между колючими кустарниками и шелестящимъ камышомъ, не слышалъ, какъ передъ свѣтомъ возвращалась она, какъ ложилась въ постель, какъ страшно билось молодое сердце дѣвушки... Но и самаго сонливаго казака иногда одолѣваетъ безсонница. Такъ однажды не спалось и Михайлѣ Коромыслу. Если бы тутъ между казацкими куренями нашелся хоть пѣтухъ, онъ прокричалъ бы уже и первый, и второй, и третій разъ, а Михайло все перекладывалъ оселедецъ съ одного уха на другое, да ругался такъ, какъ будто вражьи ляхи закручивали его въ колодки, но заснуть не могъ. Плюнувъ отъ злости, онъ вскочилъ съ постели и вышелъ на дворъ. Мѣсяцъ совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ страха, потому что на востокѣ уже показались первые признаки близкаго утра; звѣзды меркли одна за другой. Атаманъ только что успѣлъ почесать затылокъ, да такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ. Низко опустивъ голову, прямо къ нему на встрѣчу быстро бѣжала Ядвися. Михайло двинулся къ ней, панночка крикнула и повиснула на собственной косѣ, схваченной здоровенной рукой Коромысла. Онъ такъ и поволокъ ее къ себѣ въ землянку и козацкая плеть засвистѣла, часто и глубоко впиваясь въ нѣжное тѣло панночки.

Ядвися обезпамятѣла отъ ужаса и не могла больше кричать, но ея первый крикъ достигъ до ушей Петра и тотъ какъ сумасшедшій летѣлъ къ землянкѣ Михайла.

— Что это вы, пане атамане, такъ разсердились, что и на улицѣ васъ слышно?—спросилъ Петро, сдерживая частыя колебанія груди, расходившейся отъ быстраго бѣга и волненія.

— А ты прежде молоко на губахъ вытри, а потомъ лѣзь спрашивать старшихъ! — крикнулъ Михайло и вытолкалъ за двери Петра.

Только черезъ два дня узналъ Петро, что случилось въ то утро съ Ядвисей и онъ непременно убилъ бы Михайла, такъ злобно сверкнули его глаза, такъ судорожно сжались могучіе кулаки, когда онъ увидѣлъ синебагровую полосу на рукѣ панночки, услышалъ ея тихій, безпомощный плачъ, заглянулъ въ отуманенныя слезами любимыя очи. Но Ядвися умолила его не губить себя.

— Никого, никого у меня нѣтъ,

кромѣ тебя, мой любый, мой дорогой —говорила панночка—что будетъ со мною, если они убьютъ тебя?.. Какъ останусь я тутъ, одна между страшными врагами? Убѣжимъ лучше, убѣжимъ вмѣстѣ, пусть убьютъ насъ обоихъ, чтобы намъ не разлучаться... И Петро подавилъ въ себѣ жажду мести. Онъ и самъ уже давно подумывалъ о бѣгствѣ, а теперь эта мысль окончательно утвердилась въ его головѣ.

— Не выходи ко мнѣ завтра и послѣ завтра- -сказалъ онъ Ядвисѣ, крѣпко прижимая ее къ себѣ; губы ихъ слились въ такомъ поцѣлуѣ, отъ котораго голова дурманомъ наполняется...

Долгими, долгими показались Петру два дня, на которые онъ отсрочилъ свое свиданіе, за то ночи пролетали незамѣтно, какъ одинъ мигъ. По ночамъ Петро съ топоромъ въ рукахъ уходилъ въ Заулокъ и конопатилъ дырявую душегубку. Къ концу второй ночи, она уже стояла на водѣ, а на днѣ ея лежало наскоро вырѣзанное досчатое весло. Уходя изъ Заулка, Петро вытащилъ лодку опять на песокъ и забросалъ ее старымъ хмызнякомъ.

Наступила третья ночь, темная, вѣтрянная. Черныя тучи окутали все небо, закрыли и мѣсяцъ, и звѣзды, а вѣтеръ поднялъ на Днѣпрѣ высокія волны и, ворвавшись въ камыши, свистѣлъ тамъ, какъ въ позднюю осень въ трубѣ.

Петро былъ доволенъ такой погодой и, спустивъ лодку на воду, ждалъ Ядвисю.

Мучительно долго тянулось время, а завыванія вѣтра наполняли какимъ то суевѣрнымъ страхомъ сердце козака. Ему казалось, что вотъ вотъ и ночь сейчасъ кончится, а Ядвиси все нѣтъ и нѣтъ. Напрасно онъ напрягалъ свой слухъ. Шумъ камыша могъ заглушить топотъ цѣлаго табуна лошадей, не только легкіе шаги маленькихъ ногъ панночки. Петро не могъ далѣе оставаться въ Заулкѣ и пошелъ встрѣчать Ядвисю. Какъ только онъ вышелъ изъ камыша, бѣлая тѣнь мелькнула передъ нимъ и скрылась въ кустарникахъ.

— Ядвися? - окликнулъ Петро.

— Петрусь!—чуть слышно отвѣчали ему.

Петро сразу узналъ, кто это и побѣжалъ на голосъ.

— Страшно мнѣ, страшно!..—шептала Ядвися, дрожа всѣмъ тѣломъ и хватая за руки Петра.

— Не бойся, голубка моя, я съ тобою—отвѣчалъ козакъ и, поднявъ на руки Ядвисю, бѣгомъ перенесъ ее черезъ камышъ и посадилъ въ лодку.

Петро вынулъ изъ за пояса ножъ, отрѣзалъ веревку и уже хотѣлъ садиться на другой конецъ душегубки, какъ вдругъ панночка крикнула, откинулась на край лодки и чуть чуть не упала въ воду. Петро едва успѣлъ схватить ее, самъ стоя по поясъ въ водѣ.

— Что съ тобой, мое солнышко, чего ты боишься?

— Тамъ... —произнесла панночка, указывая на берегъ, тамъ...

Она не успѣла кончить. Раздался выстрѣлъ. Пуля просвистѣла надъ самымъ ухомъ Петра и разбила сердце панночки. Горячая кровь брызнула въ лицо козаку. Въ одинъ мигъ выско-

чилъ онъ на берегъ, прижимая къ себѣ трепещущую Ядвисю, положилъ ее на песокъ и, когда поднялъ голову, передъ нимъ стоялъ Михайло. Съ ножомъ въ рукѣ бросился Петро на атамана, но щелкнулъ курокъ, порохъ вспыхнулъ на полкѣ, еще одинъ выстрѣлъ и Петро упалъ, ударившись головой о колѣни Михайла.

— Ядвися... Ядвися... прощай! Мы умремъ вмѣстѣ... съ тобой... шептали холодѣющія губы молодаго козака.

Куренной атаманъ стоялъ, опустивъ руку съ дымящимся еще пистолетомъ и смотрѣлъ на свои умирающія жертвы.

— Пане атамане,—простоналъ Петро, дѣлая надъ собой послѣднее усиліе,—Богъ съ вами... дайте ее... да-а-йте ее ко мнѣ... обнять еще разъ!..

И онъ протянулъ руки къ Михайлѣ.

Старый убійца ничего не отвѣтилъ. Онъ молча схватилъ за косу Ядвисю, проволокъ ее передъ обезумѣвшими глазами Петра и швырнулъ въ воду.

Отчаянный, хрипящій предсмертный стонъ вырвался изъ груди казака и онъ замолкъ на вѣки...

А вѣтеръ подхватилъ этотъ стонъ и понесъ его вмѣстѣ съ собой по камышамъ, по кустарникамъ, по волнамъ Днѣпра, убаюкивающимъ мертвое тѣло панночки. Много труповъ уносили въ море эти сѣдыя волны; но никогда, можетъ быть, онѣ не несли болѣе прекраснаго, чистаго и невиннаго существа, какъ теперь, когда на нихъ покоился трупъ Ядвиси.

Быстро плыла мертвая панночка, быстро скользило съ волны на волну ея легкое тѣло, до тѣхъ поръ, пока тамъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Днѣпра, не встрѣтило *торчавшій изъ воды камень*. Тутъ остановилась панночка дожидать своего Петра, трупъ котораго несся вслѣдъ за ней, гонимый тѣми же волнами. Вотъ и онъ подошелъ къ камню и встрѣтился съ своею милой. Только на одно мгновеніе волны разлучили ихъ. Трупъ Ядвиси обошелъ камень съ правой стороны, а трупъ Петра съ лѣвой. За камнемъ, защищенные отъ вѣтра и теченія, они опять соединились вмѣстѣ и погрузились въ безконечную глубину, въ то подводное царство, которое лежитъ тамъ, гдѣ «дна нѣтъ»...

Это было въ глухую полночь 28-го августа, въ канунъ праздника усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. И когда чрезъ нѣсколько лѣтъ атаманъ Михайло Коромысло плылъ въ эту самую ночь съ ватагой козаковъ мимо сѣраго камня, который ночью кажется чернымъ, онъ ясно видѣлъ, какъ на вершинѣ его стоялъ окровавленный Петро и держалъ въ своихъ объятіяхъ мертвое тѣло Ядвиси съ чернымъ пятномъ на груди. И также ясно прозвучали въ ушахъ стараго атамана слова: «Дайте ее... да-а-йте ее ко мнѣ... обнять еще разъ!...»

Михайло не дрогнулъ при видѣ страшнаго зрѣлища. Онъ молча приподнялъ свое тяжелое ружье и выстрѣлилъ. Видѣніе исчезло, а эхо, толкаясь между крутыми берегами Днѣпра, далеко понесло этотъ выстрѣлъ по тѣнямъ мертвецовъ... [10])

Оставивъ колонію Кичкасъ и миновавъ о. Федоришинъ, среди Днѣпра, мы пристали къ лѣвому берегу, противъ такъ называемаго «Пепелища Сагайдака», откуда добрались до Сре-

[10]) «Южный Край», 1883 г. № 1009.

дней скели, ниже Сагайдачнаго урочища. Названіе пепелища и урочища («Сагайдачне») показываетъ, что здѣсь когда-то пребывалъ нѣкто Сагайдакъ. Но какой и въ какое время? Основываясь на свидѣтельствѣ автора «Исторіи о казакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго, можно думать, что урочище получило свое названіе отъ историческаго лица, Петра Конашевича Сагайдачнаго, который пребывалъ здѣсь со своимъ войскомъ въ 1618 или 1620 [11]). Съ тѣмъ вмѣстѣ можно допустить, согласуясь съ преданіемъ, записаннымъ Я. П. Новицкимъ [12]), что урочище Сагайдачное могло получить названіе и отъ нѣкоего Сагайдака, простаго запорожца, который жилъ здѣсь уже послѣ паденія запорожской Сѣчи. Какъ свидѣтельство жившихъ здѣсь нѣкогда казаковъ, служатъ десять ямъ, остатки разной посуды и большія кучи золы, покрытыя, впрочемъ, густою степною травою. По оставшимся пнямъ и нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ деревьямъ видно, что въ очень недавнее время балка, гдѣ находится пепелище Сагайдака, покрыта была большимъ лѣсомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и тотъ прекрасный дубовый лѣсъ, который растетъ ниже пепелища въ Сагайдачномъ урочищѣ. Это одно изъ прекрасныхъ береговыхъ мѣстъ Днѣпра, которое ежедневно, въ лѣтнее время, привлекаетъ къ себѣ множество публики сосѣдняго города Александровска, Екатеринославской губерніи.

Непосредственно за Сагайдачнымъ урочищемъ находится «скеля (мысъ) Середня», довольно возвышенная, покрытая древесными кустарниками и далеко вдавшаяся въ Днѣпръ. Скеля эта интересна уже въ томъ отношеніи, что съ нея открывается одинъ изъ замѣчательныхъ видовъ на Днѣпръ. Но кромѣ того, на скелѣ находится драгоцѣнный памятникъ историческій «кресло Сагайдака». «Мѣстность эта отъ горы (съ востока и юга) окружена скалами; внизу растетъ дубовый лѣсъ; среди самой мѣстности возвышаются двѣ огромныя скалы (точнѣе, два мыса), изъ которыхъ одна, южная, носящая названіе «Дурноі скелі», вдалась въ Днѣпръ, а во время весенняго разлива Днѣпра окружена со всѣхъ концовъ водою, образуя такимъ образомъ большой каменный островъ; [13]) другая, «Середня скеля», расположена въ 80—100 саженяхъ отъ первой, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, ближе къ горѣ отъ степи, и окружена дубовымъ лѣсомъ. На этой скалѣ замѣчательное по своей оригинальности каменное кресло, какъ полагаютъ, Сагайдака; это просто грубо обработанный камень взнесенный на возвышенность скалы, откуда есть возможность наблюдать окрестности; въ немъ искусно выдолблено сидѣнье такого размѣра, что свободно можно улечься человѣку средняго роста; съ наклонной стороны камня продолблено мѣсто спускать ноги, а вверху—мѣсто для головы. Отъ долбленія ли, или отъ замерзанія въ немъ во время сильныхъ морозовъ случайно попавшей-

[11]) Ист. о каз. запорож. Одесса, 1852 г. 68.

[12]) Драгомановъ. Малор. пред. и разск. Кіевъ, 1873 г., 415—419.

[13]) Отъ материка Дурна скиля отдѣляется т. н. Проризомъ; величина острова доходитъ до трехъ десятинъ.

ся воды, камень раскололся на двѣ части; но расколотыя половины плотно слеглися одна съ другой. Съ обѣихъ скалъ хорошо видны окрестности: о. Хортица (сѣверный конецъ), колонія Кичкасъ (на сѣверѣ), на правой сторонѣ Днѣпра, а также окрестныя приднѣпровскія степи; внизу быстро струится хрустальный Днѣпръ. Словомъ, взору наблюдателя рисуется прелестный ландшафтъ, а шумъ воды, пробивающейся между ущельями пересѣкающихъ Днѣпръ камней, оживляетъ эту дикую природу. На «Дурной» скалѣ, занимающей огромное пространство мѣстности, растутъ кусты ракиты, дубъ и татарскій кленъ, не говоря уже о травахъ и цвѣтахъ, которыми бываетъ роскошно наряжена скала въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы». [14])

Еще три года тому назадъ, во время моего перваго путешествія по запорожскимъ урочищамъ, я нашелъ кресло Сагайдака въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно здѣсь описано. Въ настоящее же время отъ этого кресла остались едва жалкіе осколки. Это дѣло рукъ фельдшера Бурнашова и псаломщика Кириллова, жителей г. Александровска, которые однажды, въ пьяномъ видѣ, подложили порохъ подъ кресло и взорвали его на воздухъ. Возмутительное дѣйствіе, стоющее примѣрнаго наказанія!...

Миновавъ скелю «Дурну», огромны камни «Стоги» (числомъ два) среди Днѣпра, мы скоро добрались до трехъ еще болѣе огромныхъ камней, «Столповъ» (числомъ три), расположенныхъ противъ сѣверозападнаго угла большаго острова Хортицы, при входѣ въ самый Днѣпръ. Самый западный изъ «Столповъ» носитъ названіе Дивана и дѣйствительно представляетъ собою подобіе дивана, но только въ громадныхъ размѣрахъ. По преданію, здѣсь отдыхала императрица Екатерина II, во время своего путешествія по Днѣпру. Мнѣ показывали на Диванѣ камень, на которомъ будто бы сдѣлана была надпись какимъ-то изъ вельможъ, сопровождавшихъ императрицу; но при всемъ моемъ желаніи видѣть слова на камнѣ, я ихъ не увидѣлъ: быть можетъ, уже само время стерло ихъ, если только они существовали. Диванъ интересенъ въ томъ отношеніи, что съ него открывается одинъ изъ величественныхъ видовъ на Днѣпръ, если стать лицомъ на югъ, въ особенности же на сѣверъ и взглянуть вдоль рѣки. Въ этомъ отношеніи Диванъ едва ли не единственное мѣсто на всемъ Днѣпрѣ. Не даромъ же, говорятъ, на немъ застрѣлился директоръ гимназіи одного изъ южныхъ городовъ.... [15])

Спустившись съ Дивана, къ средней скалѣ Столповъ, мы увидѣли здѣсь интересное углубленіе, сдѣланное въ огромномъ гранитномъ камнѣ, находящемся нѣсколько выше уровня днѣпровскихъ водъ. Углубленіе носитъ названіе «Запорожской Миски» и представляетъ собою дѣйствительно нѣчто похожее на миску. Въ поперечникѣ Миска имѣетъ больше трехъ аршинъ, а въ глубину полтора аршина. Можно думать, что углубленіе это по-

[14]) Я. П. Новицкій. Малорус. преданія Драгоманова. Кіевъ, 1876 г., стр. 421.

[15]) Говорятъ, что то былъ З. И. Марковъ, директоръ херсонской гимназіи.

лучилось чрезъ очень долгое время, вслѣдствіе того, что въ лощину гранита попалъ камень болѣе твердой породы и вслѣдствіе водоворота вертѣлся въ ней, постепенно расширяя и углубляя ее.

— Якъ же изъ ціі миски іли запорожці?

— Та якъ? Мабуть такъ, якъ іли вони, у цариці, въ Петенбурсі.

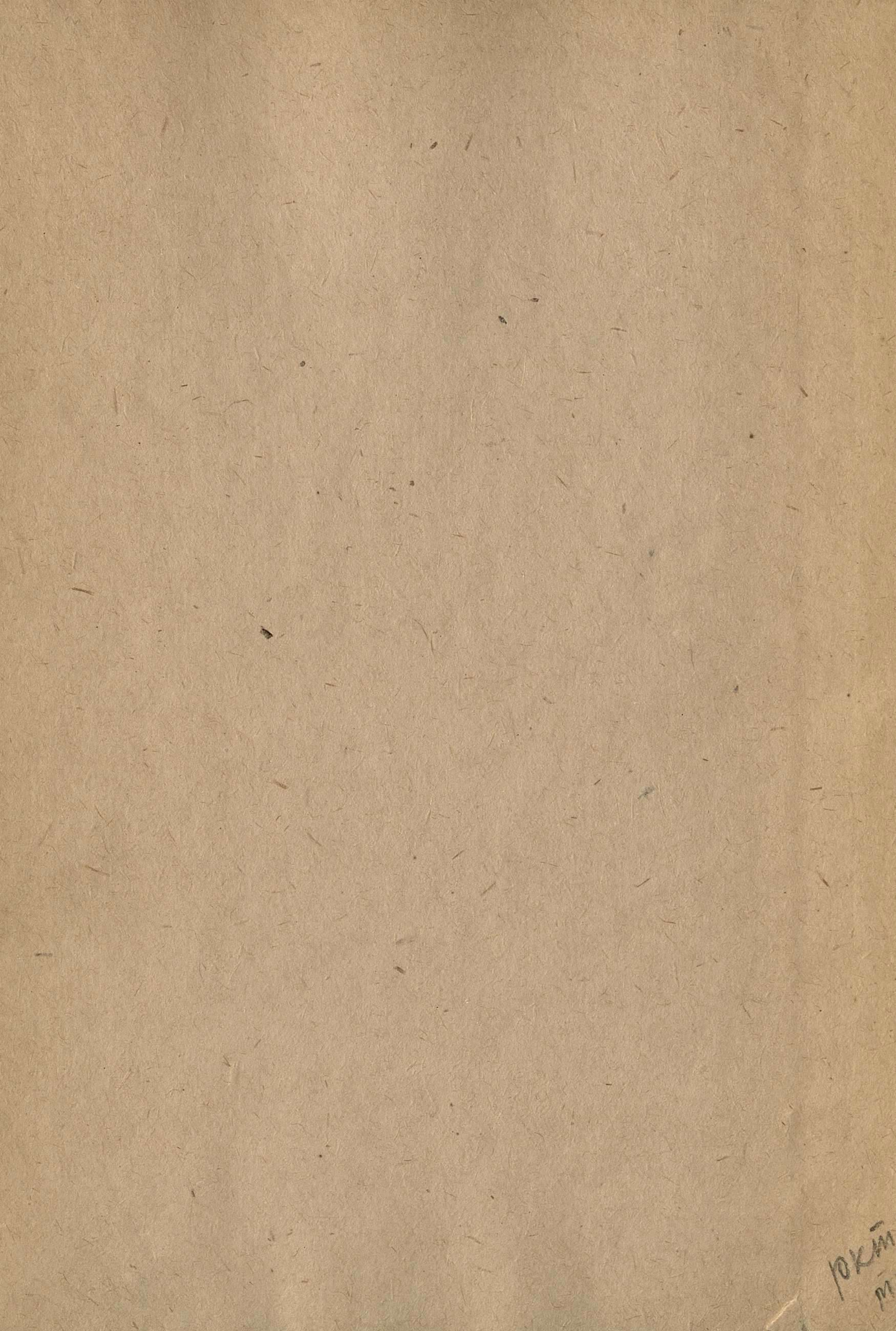
— Якъ же то?

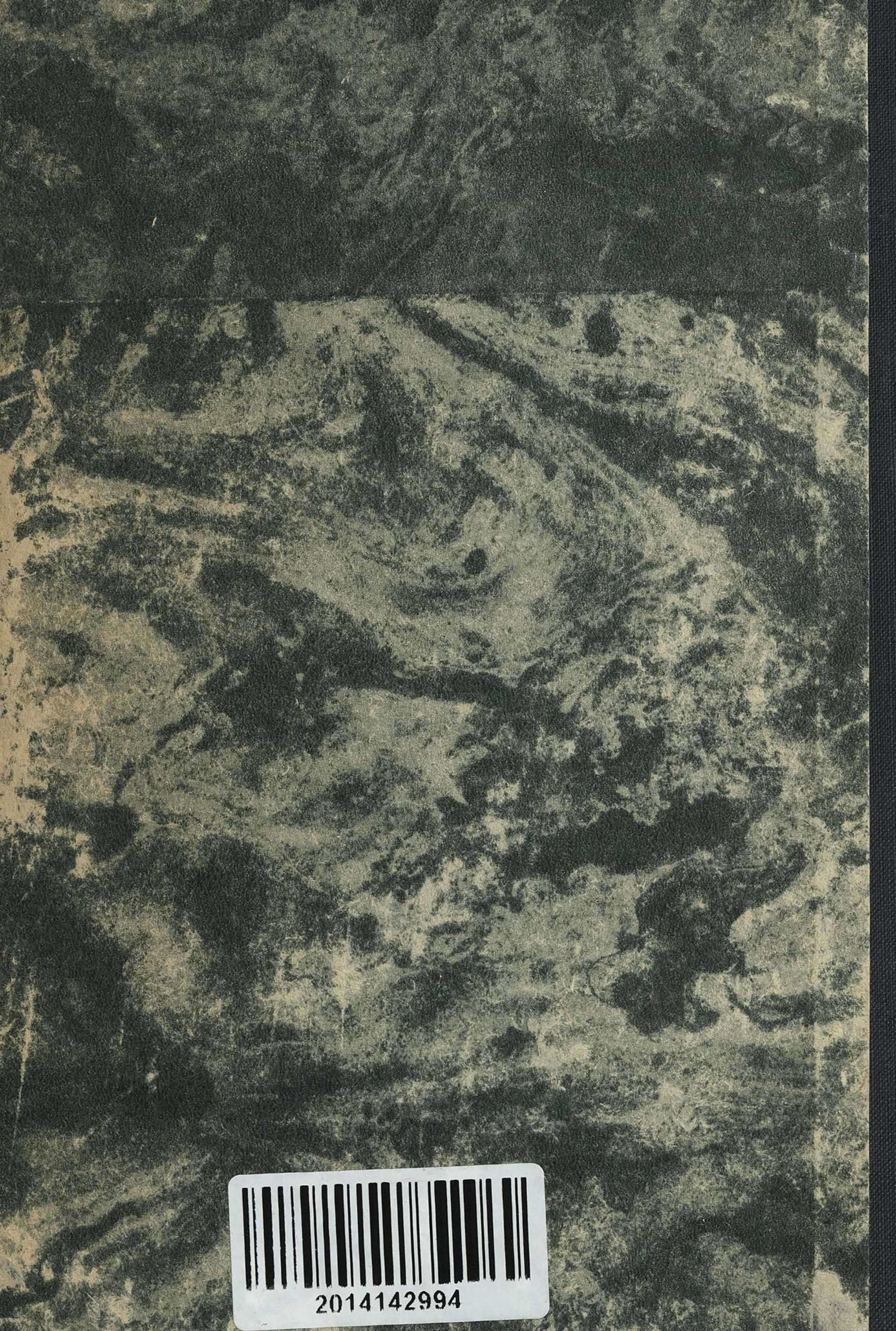
— Та отъ якъ. Хотіли съ запорожцівъ посміятись въ Петенбурсіи; посадовили іхъ за царьскій стілъ та подавали імъ ложки зъ аршинъ довжині; такъ вони зморгнулись міжъ собою, посідали одинъ противъ одного тай давай істи: ти міні подаешъ ложку черезъ стілъ, а я тобі,—прямо въ ротъ... Оттакъ, мабуть, кормились вони и изъ ціи Миски.

Насмотрѣвшись вдоволь на Запорожскую Миску, налюбовавшись достаточно со Столповъ Днѣпромъ, отдохнувъ и подкрѣпившись немного пищею, я теперь направился уже прямо къ острову Хортицѣ, который начинается тутъ-же, непосредственно за Столпами.

Д. И. Эварницкій.

Дозв. ценз. Одесса, 19 Августа 1885 г.—Тип. П. Францова, Пушкинская ул., № 20

2014142994